18+

М-Брие

Олег Осипов

Видеть. Мир. Жить.

Олег Осипов

М-Брие. Видеть. Мир. Жить

«Издательские решения»

Осипов О.

М-Брие. Видеть. Мир. Жить / О. Осипов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Четверо друзей находят в заброшенном подземном городе древний артефакт. Выясняется, что эта находка — ключ к тайнам и знаниям человечества. Осознав могущество оказавшегося в их руках предмета, друзья решают использовать его во благо, чтобы изменить мир к лучшему, оставаясь при этом в тени. Их деятельность вскоре выходит на глобальный уровень — именно тогда, когда мир оказывается на пороге катастрофы…

© Осипов О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Очередная вылазка 6
Глава 2 15
Подземный город 15
Глава 3 20
На следующий день 20
Глава 4 22
Индиго 22
Глава 5 28
«Мяч» 28
Глава 6 32
Провозвестник 32
Глава 7 35
Шахматная доска 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

М-Брие
Видеть. Мир. Жить

Олег Осипов

© Олег Осипов, 2026

ISBN 978-5-0068-6387-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Очередная вылазка

Москва,
20___ г.
Вечер

Телефонный звонок раздался ровно в 20:33 по московскому времени. Такая точность была нужна не столько для замысла предстоящего мероприятия, сколько для того, чтобы определить, что звонил именно Лёха. И хоть никаких проблем с «убытием в позднее время по рабочим делам» у домочадцев не возникало, было решено, всё же, условиться о звонке, якобы, с работы. Принятые меры предосторожности будили полузабытые ностальгические ощущения былых приключений и, что немаловажно, создавало дополнительную интригу. А когда тебе ближе к тридцати, и рутина не самой интересной, в общем-то, работы превращает каждый день в «День сурка», подобная интрига имеет значение.

— В условленном месте через 15 минут, — прозвучал нарочито казённый голос с другого конца.

— Принято, — не менее казённым тоном отчеканил Виктор, посматривая на Аню, которая успела заметить деловые нотки в голосе своего парня.

Уже в машине — жемчужного цвета «Додже-Калибре» — заговорщики смогли расслабиться и позволить себе говорить свободно.

— Все взял?

— Рации, прибор, травмат, замок, цепь… Ты?

— Да, всё…

— Точно? — высокий широкоплечий Лёха, обычно неторопливый и отличавшийся тем, что говорил спокойным солидным басом, сейчас больше походил на возбужденного игрока молодёжной хоккейной команды, долго сидевшего на скамье запасных, а теперь ожидающего выхода на лёд в решающем третьем периоде.

— Маскировочная сеть на машину, балаклавы, сигнальные патроны, продовольствие, «Сайга», пневматы, инстру́мент, — произнёс Виктор, перечислив содержимое небольшого десантного рюкзака расцветки «милитари», предназначенного для непродолжительных походов.

— Кусачки и шуруповёрт с насадками? — быстро проговорил Лёха, поскольку это, помимо всего прочего, являлось, пожалуй, наиболее значимым в тщательно выверенном списке необходимого.

— С двумя батареями… — медленно произнося каждое слово, с шутливой серьезностью ответил тот.

— А то смотри, если что-нибудь забудем, то возвращаться будет…

— Поздно… Да знаю я, всё взяли, Лёх, не боись!

— Тогда пора!

— Пор-р-р-а!!! — оба, на эмоциях, зарядили годами отточенный смачный «пятак», настолько звучно хлопнувший, что аж уши заложило и прогрело руки, что надо.

— Ух-х-х, прошло!

— Прошло ещё как!

Друзья потёрли руки и, удовлетворённые явно удавшимся ребячеством, пристегнувшись, отправились в путь.

Навигатор «Гармин», красовавшийся на лобовом стекле американского кроссовера, показывал ещё час и пять минут пути. Ехали уже минут двадцать, и свободная, без пробок, дорога была комфортной. Путь был проложен от Раменок — московского скучного, но, в общем-то, уютного спального микрорайона около парка «Имени 50-летия Октября» — до НИИ «Совнефтехим», что был в пригороде Климовска.

Координаты конечной цели, ранее переданные школьным приятелем, сразу вызвали самый живой интерес. Поэтому сомнений о возможности осуществления вылазки туда не было: предстояло лишь решить, когда.

Ещё бы! Когда тебе вдруг фактически дарят возможность, которую ты искал, может быть, все предыдущие годы, времени терять никак нельзя. Все остальные дела сразу автоматически ушли на второй план. А предпринятые меры конспирации были продиктованы ещё и тем, что ночной «рейд» выпал на среду — день, на который был запланирован коллективный вечерний поход со своими вторыми половинками в небольшой японский ресторанчик. И, само собой, объяснять отмену культурного мероприятия непонятным желанием побродить ночью по опасным развалинам, а именно так Аня и Вика, те самые вторые половинки, называли хотя и ставшие уже редкими, но всё же время от времени случавшиеся вылазки своих молодых людей, было, мягко говоря, не совсем правильно. Вот и требовалась легенда.

Ещё два других давних друга — Василий и Владимир — идею поддержали единогласно. Однако, Володька, все же, воспринял полученную информацию с присущей ему долей скептицизма, хотя мысль о том, что ехать нужно как можно быстрее, «пока всё не накрылось», высказал вслух первым именно он.

Василий, он же «Васяпедия» (так его в шутку называли остальные за высокую эрудированность и дотошность), предварительно прошерстив все, что можно в интернете, за чашкой чая, когда все собрались неделю назад у Лехи, выдал историческую справку.

Выяснилось, что НИИ, куда предстояло отправиться, построен где-то в начале 80-х и успешно работал, несмотря на нарастающий развал страны, вплоть до конца девяностых годов. Изначально, предприятие занималось разработкой различных химических веществ в военных целях, а потом сумело, кое-как, перейти на гражданские рельсы — стало выпускать то ли бытовую химию, то ли удобрения. Затем производство стало невыгодным, предприятие начало хиреть, а потом и вовсе закрылось к радости окрестных «сталкеров». Ещё бы, полазить по огромному, пока нетронутому, комплексу — милое дело.

Но ни огромные пространства, за это время успевшие стать самым, что ни на есть, подходящим местом для погружения в, словно бы, постапокалиптическую романтику, ни соответствующая атмосфера таинственной заброшенности, не были основной изюминкой, будоражившей воображение молодых людей. Они дружили со школьных времён и за свою приверженность к консерватизму по отношению к мировому порядку, скептицизму — к радикальным проявлениям современности и, конечно, благосклонному отношению к року старой школы (как зарубежному, так и российскому) сами себя называли в шутку «старой гвардией». И с особым интересом относились они ко всем загадочным и непонятным материальным свидетельствам былого величия рухнувшей сверхдержавы.

Выяснилось также, что сам НИИ с его прилегающими территориями, изначально, являлся объектом стратегической важности, и до тех пор, пока предприятие не перешло на выпуск сугубо гражданской продукции, работать там могли только люди с соответствующим допуском. Потом предприятие закрыли, что-то вывезли, помещения опечатали и поставили под символичную охрану.

По заверениям источника информации, который какое-то время поработал там сторожем, было на этом объекте несколько необычных дверей — металлических и, по всему видать, очень тяжёлых, судя по глухому отзвуку, «если туда постучать». Сам источник особого интереса к лазанию по заброшенным объектам не проявлял. Но, в силу любопытства и желания,

возможно, чем-либо поживиться, эти двери на какое-то время, всё же, завладели его вниманием. Всего, по его словам, дверей таких там было три, и все они располагались на равном удалении вокруг не очень большого складского помещения, над которым было написано: «Н О М Е Р 14». Помещение это полукругом выступало со стороны бойлерной, которая «не работает, да и вообще, похоже, никогда не работала». И вот, когда настала пора вывозить оставшееся оборудование перед окончательным превращением института в памятник ушедшей эпохи, команда специалистов, нанятых, судя по сбивчивому рассказу источника, скорее всего РАН, без особого энтузиазма, скорее галочки ради, попыталась поочередно вскрыть каждую из дверей. Успехом это не увенчалось, однако последняя дверь всё же поддалась. Толстенная и тяжеленная, как и предполагал проворный сторож, она открыла взору тёмную лестницу с довольно крутым уклоном. Настолько длинную, что света мощного «полицейского» фонаря не хватило, чтобы посмотреть, чем она заканчивается. Удовлетворив любопытство и поняв, что прихватить там ничего не получится («не тащить же по этой лестнице, даже если там чего и есть»), сторож потерял всякий интерес. Специалисты попытались закрыть дверь, но механизм заело, и её оставили приоткрытой, зафиксировав продетой в проушины цепью и навесным замком.

Как сумел выяснить Виктор в ходе продолжительной беседы с источником информации, пока ехал с ним до своей станции в метро, замок был обычным, марки «Восход-К», которыми всё там закрывали, так как «дешёвые, хоть и легко ломаются». По словам источника, недавно там вновь побывавшего с целью найти закрытое помещение для работы с фотографией большой выдержки («похоже, фотография, брат, — это моё, это тебе не сторожить…»), замок там висит все тот же, а вот вокруг предприятия постепенно скапливается строительная техника. «Видимо, с землей сравняют», — равнодушно предположил любитель фотографии и принялся рассказывать про своё новое увлечение. Но мысли Виктора, к тому моменту, были всецело поглощены возможностью проникнуть за оставленную фактически открытой массивную дверь заброшенного стратегического объекта. Сколько она еще так простоит?

Вишенкой на торт стало то, что именно в этом районе, по словам Васи, согласно ряду открытых и «не очень» источников, рядом с НИИ должен был располагаться законсервированный ещё в советское время подземный город. Стратегическое бомбоубежище времен «холодной войны».

Сопоставив все факты и рассказ сторожа, взвесив все «за» и «против», ребята поняли, что, возможно, это их шанс сделать то, о чём давно мечтали — попасть, возможно, в подземный город с улицами, светофорами и даже кинотеатрами, легенды давно ходили среди «простых смертных», не допущенных к настоящим секретам. Естественно, что эти легенды не находили, по понятным причинам, достоверного подтверждения и этим еще более манили и будоражили воображение.

Володька, прагматичный, но слегка ленивый, сразу оценил ситуацию и предположил, что если медлить, то в подземный город можно и не попасть. Раз там строительная техника, значит, будут либо сносить, либо перепланируют всё к собакам, а двери попросту замуруют навсегда. Тем более что объект не используется, и «всем всё равно». Поэтому все согласились не откладывать поход на объект в долгий ящик.

По предложению нетерпеливого Виктора, известного своими радикальными идеями и стремлением всё преувеличивать, в том числе и быстроту сноса объекта, ехать решили в ближайшую среду. И было совершенно неважно, что на следующий день на работу — терять время нельзя. Тем более, что цивилизованный вход в подземное бомбоубежище, а если повезёт, то, как говорил Вася, — в законсервированный подземной город, был практически открыт. Хотелось верить, что это именно город, на это указывали все косвенные признаки, и упускать возможность там побывать было никак нельзя. Тут же принялись расписывать, что в каком порядке предстоит делать, параллельно составляя список необходимого для «вылазки».

Однако, от случайных обстоятельств никто не застрахован. Как это уже бывало неоднократно, первым о «неотложных делах» именно в среду — в день икс — сообщил Вася. Внезапно возникшие проблемы с одним из орбитальных спутников требовали незамедлительного вмешательства, и руководство одного из дочерних подразделений Роскосмоса, где исправно трудился эрудит по окончании института, приняло решение направить его и ещё двух специалистов в Новосибирск, где находилось всё необходимое наземное оборудование. А на Васю возлагали, как всегда, большие надежды, которые последний, к большой радости своего начальства, имел обыкновение оправдывать.

— Ничего, дело важное. Не получилось вчетвером — пойдём втроём, даже мобильнее получится. А Ваське потом расскажем — скорректировал Виктор состав участников.

Но уже во вторник вечером, когда ни у кого не было сомнений в окончательном составе маленькой экспедиции, неожиданно «захворал» Владимир. Сообщил, что у него внезапно заболела спина после спортзала, куда он, по обыкновению, частенько заглядывал после работы. Виктор и Лёха, конечно, немного расстроились (не мог, что ли, потянуть свою спину в другой день?), посетовали, что ещё один боец уходит, но, само собой, пожелали ему скорее поправляться.

Проскочившая было мысль о переносе путешествия была отброшена, и отправиться в заветный рейд было решено, в конечном счёте, вдвоем — Алексей и Виктор были непреклонны и настроены более чем решительно. Наоборот, отсутствие двух товарищей ещё больше их раззадоривало: во что бы то ни стало поехать, вопреки обстоятельствам. К тому же, именно они, из всей «великолепной четвёрки», были наиболее склонны к авантюрным поступкам (в хорошем смысле слова), и старались всячески использовать любую возможность внести что-то новое в серые однообразные будни, рутина которых постепенно заполняла всё жизненное пространство двух аналитиков потокового отдела Министерства связи и массовых коммуникаций.

Тихо! Не шаркай. — передал по рации Виктор, желая проверить работу ларингофона дальнобойного японского передатчика.

— Как понял?

— Понял тебя хорошо, — пробасил в ответ тихий голос, чётко выговаривая каждое слово.

Подъехали к объекту почти в десять вечера, на улице уже была непроглядная тьма. Наспех приладив снаряжение, машину оставили на заранее выбранном на карте лесистом участке, аккуратно накрыв маскировочной сетью. По сути, в этом не было особой необходимости, но зато было соответствие общему замыслу передвижения в скрытном режиме, в котором они привыкли осуществлять подобные «вылазки». Собственно, отсюда и такое количество всевозможного снаряжения, которое они также активно использовали, увлекаясь страйкболом и стрельбой из спортивного оружия. Увы, но работа и бытовые заботы постепенно поглощали все время, и разбавлять повседневную жизнь подобными приключениями становилось всё сложнее. Зато возрастала их ценность.

Убедившись, что с дороги машину не увидеть, двое штурмовым порядком двинулись в сторону забора. Сам факт пребывания на некогда секретной, а ныне заброшенной, всё ещё закрытой территории афишировать и светить себя было совсем не обязательно. Поэтому, на всякий случай, надели маски. Подумали и о безопасности: снарядили старые добрые воздушки — пневматические пистолеты, мощность которых, хотя и мала по сравнению с травматическим оружием самообороны, но остановить какого-нибудь потерявшего берега наркомана или бешеную собаку они вполне были в состоянии. Кроме того, в арсенале были, на самый крайний случай, Витькина охотничья «Сайга» и Лёхин травматический пистолет.

Проникнуть на огороженную высоким забором территорию института оказалось несложно. После нехитрых манипуляций с подставлением плеча товарища в качестве импро-

визированной лестницы спортивные парни без проблем очутились на территории заброшенного НИИ.

Куда сложнее оказалось найти вход в само помещение. Все двери и окна первого этажа были наглухо заколочены листами толстенной фанеры. Конечно, их можно было выбить, но шум мог привлечь внимание охраны, о количестве и дислокации которой не было ничего известно. Вместе с тем было понятно, что раз на территорию нагнали столько строительной техники, то ее, скорее всего, и охраняют.

Спустя минут десять им, всё же, удалось найти окно, часть которого, вместо фанеры, было прикрыто колыхавшимся на ветру плотным мутным полиэтиленом.

Проникнув на первый этаж, два человека, одетые в тёмно-синие полувоенные брюки и тактические рубашки цвета «олива», в масках и разгрузочных жилетах расцветки «А-Такс» оказались в просторном холле. Сверившись со схемой — распечаткой спутниковой фотографии комплекса, которую Виктор для надёжности заламинировал, сообразили, что данное помещение было некогда вестибюлем центрального входа. На это указывали пустующая проходная и турникеты, элементы которых частично отсутствовали, а частично беспомощно свисали на останках блокирующего механизма, давно уже не способного создать сколько-нибудь значимое препятствие для незваных гостей.

Сам вид внутренней обстановки производил сильное впечатление. Атмосфера заброшенности напоминала пейзажи «городов-призраков» и почти полностью соответствовала представлениям о том, как могли бы выглядеть отданные на откуп силам природы, после трагической катастрофы, помещения какой-нибудь атомной электростанции. Подобные объекты давно являлись предметом пристального внимания четверых друзей. Однако побывать, например, на Чернобыльской АЭС ни через официально проводимые экскурсии, ни тайком (как это делали «настоящие» сталкеры), никому из «великолепной четвёрки» как-то не довелось.

Серые бетонные стены, пустые глазницы люминесцентных ламп, вскрытые щитовые с торчащими из них пучками спутанных проводов придавали месту особый антураж. Длинные коридоры между корпусами заканчивались холлами, которые являлись своеобразными хабами-распределителями, разветвляющимися в многочисленные помещения. Масштабно и продуманно. Всё это наглядно давало представление о неимоверном количестве вложенных в строительство комплекса усилий и средств. Медленно и бесславно ветшая год за годом, институт превращался в памятник былому торжеству архитектурной, инженерной и технологической мысли ушедшей эпохи.

После того, как миновали турникет, любезно не ставший препятствовать полуночным посетителям, почти сразу отправились на второй этаж, так как на первом наткнулись на заколоченные двери. Преодолевать их не было ни времени, ни желания, ни, собственно, возможности. Кроме того, зашитые фанерой окна совсем не пропускали свет уличных фонарей и на редкость яркой луны, а идти в полной темноте, полагаясь только на прибор ночного видения, приобретённый Витькой ещё на первом курсе института, было весьма опрометчиво: электронно-оптический преобразователь первого поколения, увы, не позволял комфортно перемещаться в таких условиях.

Молча двигались по заранее проложенному маршруту, хотя назвать это именно «маршрутом» можно было весьма условно. Имеющиеся распечатки комплекса давали лишь поверхностное представление об объекте. Идти к намеченной цели напрямую оказалось сложно. Множество помещений заставляли обращать на себя внимание и постоянно отвлекали «вторженцев». Любопытство заводило их в загадочные комнаты, что невольно тормозило экспедицию. Путь затруднялся ещё и тем, что сеть переходов и лестниц то заканчивалась тупиками, то приводила в то же место, попросту ведя по кругу.

На втором этаже обстановка была совсем иная. Без прибора ночного видения, при свете изредка включавшихся, в целях маскировки, фонарей можно было отчётливо разглядеть

атрибуты научно-лабораторного комплекса: холодильные установки, сломанные центрифуги, вывернутые наизнанку электрощиты и ещё невесть для чего предназначавшиеся железные и деревянные ящики, из которых торчали, толстые и не очень, разноцветные провода на старых текстолитовых платах. Массивные железные ящики с дверцами наверху, чем-то отдалённо напоминающие древние стиральные машины с вертикальной загрузкой белья, были выстроены в ровные ряды и порой занимали целые помещения. Ржавеющие, где-то с оторванными лючками и оголённой проводкой, они вызывали ассоциации с обстановкой постапокалипсиса.

Это впечатляло. Время от времени друзья останавливались, чтобы получше рассмотреть тот или иной предмет, либо просто созерцали окружающую обстановку. Они то и дело перекидывались обрывочными фразами о том, что неплохо бы посетить это место с остальными членами «четвёрки», но уже вряд ли получится, так как всё скоро снесут. Понятное дело, что у всех уважительные причины, но такой шанс выпадает один раз в сто лет, и они, его упустили, и что представить сложно, сколько государственных сил и средств вложено в объект, который скоро сровняют с землей, возможно, ради какого-нибудь коммерческого центра, и что никакого уважения к прошлому, что вот были времена …, и что вообще, в таком месте неплохо бы снимать фильмы соответствующие, и декорации никакие не нужны. В общем, эмоций было более, чем достаточно.

Но, все же, цель похода была другой. Заветный сектор «Н О М Е Р — 14», возможно, скрывавший сокровенные тайны прошлого, должен быть где-то совсем рядом. По схеме выходило, что конструкция пятиугольного здания, так или иначе, привела бы их к этому месту. Главное — оказаться на нужном этаже. Промахнись они, и можно бесконечно ходить по кругу. Шли уже около часа, и адреналин в крови увеличивался по мере приближения к основной цели.

Виктор — основной инициатор подобных мероприятий и автор большинства безумных идей в их компании — с виду хоть и спокойный, по мере приближения ко входу в неизвестность, на самом деле, волнение испытывал ничуть не меньшее, чем его напарник. Однако, ему было присуще одно качество, в наличии которого он вряд ли смог бы признаться даже самому себе. Энтузиазм, которым он заражал остальную компанию при обсуждении очередной «безумной» идеи, казалось, у него сохранялся на протяжении всей заварушки, в чём бы она ни заключалась. Но иногда так случалось, что те самые сомнения, объективно возникающие в процессе обсуждения на подготовительном этапе, которые он, благодаря собственной непоколебимой уверенности и совершенно искренней вере в успех, разбивал у других в пух и прах, догоняли и его самого. Будь то очередная экспедиция в какой-нибудь заброшенный подмосковный «коллайдер» времен СССР, оставленную воинскую часть под Королевым или, наконец, тренировочная вылазка на предмет исследования секретного входа в Раменский подземный город через канализационную трубу (самое крупное бомбоубежище, о котором говорили даже на федеральных каналах). Сомнения эти, наложившись на реалии действительности, в голове Виктора вдруг выстраивались в организованную цепочку и обретали форму совершенно ясного осознания недостижимости поставленной цели и настигали в самый неподходящий момент. Виктор про себя называл это «моментом перегорания». Когда всех «зажигаешь», тратишь на это кучу усилий, а потом сам незаметно для себя «потухаешь». Однако, зачастую, это было явлением непродолжительным и вызывало лишь кратковременный спад энтузиазма. Вот и сейчас у него появилось отдалённое ощущение чего-то подобного. Но этим мыслям не довелось задержаться надолго.

Дойдя, наконец, до крыла, в котором должен был находиться нужный сектор, искатели решили немного перевести дух. И было отчего. В некоторых местах приходилось, в буквальном смысле, продираться по коридорам и лестничным переходам, заваленным нагромождениями из столов, стульев и даже шкафов, неизвестно зачем сваленных в кучи. Но, вместе с тем, именно эти препятствия, к молчаливому восторгу путников, то и дело переглядывавшихся и с полувзгляда понимавших друг друга, удивительным образом напоминали сюрреалистические

картины из книг, фильмов и игр на темы апокалипсиса, чем вносили в маленький поход искомую остроту.

Отдышавшись пять минут, прошли ещё коридор, по бокам которого располагались кабинет и нечто похожее на лабораторное помещение. Затем миновали сквозной лестничный пролёт, спустились на первый этаж и, толкнув двойные решётчатые двери, оказались в большом холле, описывающем дугу, в середине которой красовалась написанная белой краской, огромная, уже потрескавшаяся, но вполне читаемая надпись: «Н О М Е Р 14».

Алексей и Виктор застыли в оцепенении. Это был последний рубеж на всем пройденном пути. Давно свыкшиеся с темнотой глаза сразу зафиксировали на идущей полукругом стене чёрные проёмы дверей, расположенные на равном удалении друг от друга. Виктор медленно подошёл к первой двери и аккуратно, словно боясь спугнуть, стал осматривать сначала её. Лёха же, напротив, медлить не стал, и пока его товарищ подсознательно оттягивал ответственный момент и отвлекался на спонтанно приходившие в голову сомнения (а вдруг это просто какой-нибудь погреб, или обычное холодильное помещение), чуть ли не бегом промчался мимо остальных дверей и остановился около той, что была нужна. «Есть замок!» — громко, на эмоциях произнёс он, так что в окружавшей их всё это время тишине его собственный голос показался ему чужим.

Виктор переменился в лице и галопом добежал до той двери, на которой, единственной из всех, виднелся замок фирмы «Восход-К», сковывающий её со стеной массивной цепью. Виднелась и щель. «Натяжения цепи нет», — сказал Виктор, аккуратно извлек зажигалку и поднёс её к щели: «И тяги нет», — произнёс он. Оба поняли, что помещение, или что бы то ни было по ту сторону двери, скорее всего, не имеет сквозного отверстия, открытого окна или люка, который бы выходил на улицу.

Пока один доставал кусачки, другой тем временем извлёк из специально закрепленного на жилете подсумка замок, точь-в-точь такой же, что висел на цепи. Из другого подсумка достал цепь, одно из звеньев которой было с откручиваемой резьбой-фиксатором, подобным тем карабинам, что используют альпинисты. Виктор проворно занёс большие кусачки и без особых усилий перекусил два звена по обе стороны от замка.

«Готово», — отрапортовал он и убрал инструмент обратно в рюкзак. Вот и всё. Сейчас они откроют дверь.

За последнюю неделю они частенько обсуждали и корректировали детали путешествия, да и вообще немало думали на этот счёт. Коридор и то, чем он заканчивается, воображение не раз рисовало и перерисовывало вновь и вновь. И перед тем, как они, наконец, ступят в него, волнение было особенным.

Лёха, аккуратно положив старый замок на землю рядом с цепью и новым замком, медленно потянул на себя дверь. Только сейчас становилось понятно, насколько весомый это был «аргумент» в вопросе ограничения доступа к тому, что она за собой скрывала. Стальная, тяжеленная, она была толщиной около полуметра. Если бы не халатность и откровенное наплевательское отношение техников, не потрудившихся залить механизм смазкой или чем-то вроде «вэдэшки» для активации запорного механизма и, вместо этого, просто повесивших цепь, казавшуюся хилой на фоне двери, то, не имея ключа, никто никогда не открыл бы её. Виктор включил мощный фонарь и посветил в проём. Почти сразу за порогом начинались ступеньки, ведущие вниз по довольно широкому коридору с высоким потолком и бетонными неокрашенными стенами. Было очевидно, что тоннель весьма длинный, потому что луч света терялся в глубине.

— Ого… А он действительно длинный, — заметил Виктор, продолжая светить.

— Ага, — отозвался Лёха, — может, противогазы наденем?

— Да не, давай начнём так, а потом посмотрим, что к чему.

— Ну давай.

— Цепляй новый замок.

Новую цепь присоединили к старой открывающимся звеном. Другой конец планировалось соединить со старым замком. Таким образом, дверь по-прежнему оставалась как бы на замке, даже после того, как они пройдут через неё. Но остался более широкий зазор, позволявший отрыть дверь изнутри и выбраться.

Конечно, цепь получилась длиннее прежней, но даже такая маскировка не помешает. Главное — позволяла открыть и закрыть дверь изнутри.

— Ну что, пойдём? — спросил Виктор, глядя в упор на друга.

— Даже страшновато как-то, — со смешком произнёс Лёха, и оба нервно рассмеялись, тем самым частично сняв накопившееся напряжение и разрядив обстановку.

— Ладно, погнали, — произнес Леха и, пропустив друга вперёд, сам зашёл внутрь. Немного повозившись, он закрыл за собой дверь.

— Ключ не потеряй только! — предупредил Виктор и включил налобный, или, как они в шутку называли, «лобковый» фонарь. Затем он достал из тактической кобуры пневматический «вальтер», известный своей пробивной способностью, отчего, помимо спортивных целей, мог использоваться в качестве потенциального оружия самообороны.

Лёха сделал то же самое и хлопнул Витька по плечу. Это означало, что напарник готов, и служило сигналом к началу движения. Оба двинулись вниз.

Шли медленно, осматриваясь по сторонам. Пройдя шагов сорок, отметили, что лестницей пользовались очень редко, если не сказать, вообще никогда. Ступени чёткие и ровные, на них не было заметно стертых обувью краёв — наглядных свидетельств частой эксплуатации, характерных для старых построек.

Неокрашенные бетонные стены и потолок были без надписей и других следов пребывания хулиганов, столь характерных для большинства заброшенных построек. По правую руку, между стенкой и потолком, после минуты спуска, стали заметны закреплённые на алюминиевых скобах провода, к которым, через каждые три метра, были подсоединены небольшие лампы накаливания.

— Похоже, аварийное освещение, — предположил Лёха, указывая на окрашенные в красный цвет лампочки.

— И ни одной разбитой или выкрученной, — отозвался Виктор.

Их лица, невидимые в темноте и скрытые тактическими масками, значительно посерьёзнели. Дальше шли молча.

Прямой спуск занял около пяти минут, прошли метров двести. Весьма внушительное расстояние, особенно если учесть, что наклон лестницы был довольно крутой. Затем, к их удивлению, лестница перешла маленькую — полтора на полтора метра — горизонтальную площадку и под прямым углом повернула направо. Далее, вопреки ожиданиям, спуск продолжился, а наклон лестницы стал более пологим. Так они прошли ещё метров сто пятьдесят, пока не наткнулись на точно такую же площадку и точно такой же поворот направо под углом в девяносто градусов. Наклон снова изменился, но на этот раз стал более крутым, чем первый участок пути. Причём настолько крутым, что была реальная угроза, оступившись, кубарем покатиться вниз.

Передвигались в сильном напряжении. За все случаи вылазок они, до сих пор, ни разу не забирались настолько глубоко под землю и ни разу не были в столь непредсказуемых условиях. И даже если они забрались сюда для собственного развлечения, их могли подстерегать вполне нешуточные опасности. Максимально сконцентрировавшись, они старались применить все накопленные знания и опыт в области действий в особых условиях.

— Вить, мы примерно метров пятьсот уже прошли.

— Ну да… нормально так. Но, думаю, отступать пока не стоит.

— Не, это само собой. Вот лестница эта — точно не для погрузочных работ.

— Сто процентов. Ладно, давай дальше, должна же она чем-то закончиться.

— Ну да, — отозвался Лёха.

Пройдя значительное расстояние, сколько именно — уже сказать было трудно, они ощутили, что обстановка начинала давить на психику. Да и бесшумное движение в изготовке для стрельбы с ходу порядком изматывало. Вскоре Виктор, идущий впереди, увидел очертания очередного рубежа. Подойдя ближе, поняли, что это не пролёт между лестничными маршами, а дверь. Ступени закончились.

То была железная дверь с чёрной ручкой и врезным замком. Витька, недолго думая, взялся за ручку и толкнул дверь от себя. Поддалась. Он не стал открывать её и, наоборот, аккуратно притянул снова к себе.

— Приборы ночного видения, огнестрелы, — коротко сказал он, и оба моментально, слаженно, почти синхронно отключили фонари и надвинули на глаза приборы ночного видения: Витька — очки, Лёша — монокуляр. Затем сноровисто убрали пневматические пистолеты, вместо которых из набедренных тактических кобур выхватили огнестрельное оружие. Лёха достал травматический пистолет «Grand Power» — один из самых мощных и точных экземпляров в своём роде, а Витёк — «Сайгу-9», гражданскую версию штурмового пистолета-пулемёта «Витязь», специально разработанного для спецподразделений. Медленно, затаив дыхание, оба словно «затекли» за приоткрытую дверь и замерли, осматривая помещение.

Сквозь приборы ночного видения открывалось, что они оказались в просторном помещении с потолками высотой в два этажа, шириной метров десять и в длину около тридцати-сорока. Причём, с одного торца была бетонная стена, а с другого — во всю ширину стены — массивная металлическая двустворчатая раздвижная дверь. Казалось, что эта дверь способна выдержать, как минимум, ракетный удар с поверхности, что являлось характерной чертой для входов в стратегические объекты. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что дверь закрыта наглухо. С учётом того, что на полу были видны железнодорожные рельсы, помещение было, скорее всего, чем-то вроде погрузочного дока. Вот только куда вели эти ворота, с такой глубины, оставалось непонятным. Воображение рисовало, что за ними очень длинный, более пологий, чем лестница, тоннель, ведущий наружу.

Возле дверей, неподалеку, обнаружилась будка охраны, пыльная, с помутневшими от времени стёклами. Мимо нее, скорее всего, проходило все, что прибывало на рельсовом транспорте через внешний вход.

— Ну, что там у тебя? — несколько запоздало спросил Виктор, все еще осматривавший массивную внешнюю герметичную дверь.

— Витёк, похоже, мы на месте…

Глава 2

Подземный город

За период спуска в состоянии предельной концентрации чувства удивления, некоторой тревоги и волнения несколько притупились. Поэтому, дойдя до очередного помещения, они были сравнительно спокойны. Однако то, что они увидели внутри, переменило состояние парней. Масштабы поистине поражали: ничего подобного им ранее видеть не приходилось.

— Давай фонари, Лёх… — медленно произнёс Виктор, хотя тот уже сам потянулся к выключателю прибора ночного видения и был готов включить фонарь сразу, как только Виктор, чтобы не засветить устройство, выключит свой.

— Ничего себе… — только и ахнули оба.

Внутри гигантского помещения всюду были расставлены стеллажи, по большей части пустые, а где-то частично заставленные непонятно чем, и идущие до самого потолка. Через широченные проходы между ними с лёгкостью можно было бы проехать на автомобиле. Потолок — такой же высоты, как и в погрузочном доке, а вот границы помещения определить было сложно — терялись во мраке.

На потолке виднелись осветительные лампы, включение которых, по всей видимости, производилась с расположенного на стене, близ входных дверей, электрощита с символическим изображением молнии.

Конечно, в таком пространстве с двумя налобными фонарями было темновато, но переключать тумблеры на электрощите, даже ради эксперимента, не стали.

Во-первых, неизвестно, как все это работает, есть ли система сигнализации, куда она ведет и что будет при ее срабатывании. Несмотря на то, что бункер не функционировал, он, скорее, производил впечатление не заброшенного, а законсервированного.

Во-вторых, передвижение с центральным освещением ну никак не вписывалось в философию вылазок в режиме «стелс» (то есть необнаружения).

Беглый осмотр показал, что на некоторых стеллажах находились в беспорядке деревянные, предположительно, ящики средних размеров, укрытые брезентовой тканью.

Пройдя какое-то расстояние вдоль стеллажей, искатели вышли на широкое пространство. Пол был покрыт слоем уже слипшейся пыли вперемешку с, по всей видимости, техническим маслом и хранил следы крупногабаритных прямоугольных предметов и круглой формы ножек, от которых к воротам тянулись борозды (очевидно, их тащили до самого погрузочного дока). Далее, в глубине можно было увидеть несколько поистине колоссальных механизмов — гигантских дизельных генераторов, как оказалось, отключённых от насосов топливоподачи и явно законсервированных. Около одной из стен располагался деревянный стол, частично заваленный какой-то документацией. Вдоль другой стены располагались три большие цистерны, судя по звуку, абсолютно пустые и, как предположил Лёха, скорее всего, ни разу не использовавшиеся. Причём их назначение после подробного осмотра также установлено не было: то ли питьевая, то ли техническая вода в них должна была храниться, то ли топливо для тех самых генераторов. Больше, как ни искали, ни дверей, ни люков обнаружено не было. Равно как и стоков для воды на полу. Не было и подтёков на стенах, характерных для глубинных сооружений.

Прошли метров триста вглубь, когда стало понятно, что конца и края не видно. Было похоже, что это некий стратегический склад, на случай войны или иных катаклизмов. Бросалось в глаза и то, что во многих местах находились вентиляционные каналы, гофры от которых были подсоединены к ряду массивных, защитного цвета металлических цилиндров, в несколько ярусов составленных друг на друга — вероятно, регенеративным патронам. Те,

в свою очередь, были подключены к электровентиляторам в алюминиевых защитных коробах. Фильтровентиляционные агрегаты были расположены на равном удалении друг от друга вдоль стены, и их ряды уходили вглубь помещения. Можно было предположить, что они представляли собой часть замкнутой системы очистки и регенерации воздуха этого исполинского сооружения.

Оправившись от первого впечатления и наскоро удовлетворив любопытство, в более спокойном режиме переключились на исследование того, что занимало бóльшую часть пространства.

— Стеллажи почти пусты, но, как бы, не ради них всё это строилось — рассуждал Виктор, высоко задрав голову наверх и оглядывая исполинские полки.

— Похоже на то. Ты не обратил внимание, что там на них?

— Надо лезть смотреть, — ответил Виктор.

Несмотря на внушительные размеры стеллажей, забраться на них оказалось несложно. Около двух с половиной метров в ширину, полки были сделаны из достаточно толстого железа, а стойки надёжно привинчены к бетонному полу массивными болтами. Высота между полками составляла, примерно, полтора метра, что позволяло перемещаться по ним на ногах, хоть и изрядно пригнувшись. Это было не очень-то удобно для двух рослых парней. Аккуратно сложив рюкзаки на одну из нижних полок, они начали осмотр.

В большинстве своём, полки были пусты, предоставив взгляду непрошенных гостей лишь большие куски брезентовой ткани, которые, вероятнее всего, укрывали находившиеся здесь предметы. «Что здесь хранилось?» — этот вопрос постоянно крутился в голове.

Хранилище могло предназначаться для чего угодно: от оружия до запасов продовольствия. И то, что эти запасы хранились на такой глубине, было, в принципе, понятным.

Объект, все же, был действительно грандиозным!

Решив, всё же, дойти до конца этого исполинского — словно несколько соединенных между собой авиационных ангаров — помещения, через несколько сотен метров обнаружили ещё одну металлическую дверь на рельсах, преодолеть которую уже возможности не было: всё наглухо заперто. Не расстроившись, и даже наоборот, воодушевившись (появился еще один рубеж для преодоления, но уже всей командой, в полном составе!), искатели решили обследовать максимум из того, что могли.

Пришлось облазить большинство полок, которые, на первый взгляд, не были пустыми. Включая самый верхний ярус, забираться на который не стали (но посмотреть — посмотрели). Выяснилось, что кроме слежавшейся ткани цвета хаки и пустых деревянных ящиков без маркировок, там ничего не было.

— Да тут хоть двигатели храни, от танков или самолетов… или боеприпасы, — сказал Лёха.

Потратив на неудачные поиски, в общей сложности, около пары часов, порядком устали. Было душно. От поднятой во время лазания по стеллажам пыли дышать становилось все труднее, пребывание в бункере становилось все менее и менее комфортным.

Присев отдохнуть и перевести дух, друзья потихоньку приходили в себя.

— Чего, Витёк, похоже, пора двигать, времени уже много…

— Да, надо. И так уже всё, что можно, практически посмотрели.

— Ну, тогда собираемся.

— Давай, — Виктор потихоньку начал подниматься.

Вдруг где-то наверху, раздался шорох, и нечто бесформенное, но объемное, с грохотом упало рядом.

Словно очумелые, парни отпрыгнули в разные стороны, на ходу выхватывая оружие и машинально снимая его с предохранителей. Изготавливаясь к стрельбе и выбирая позиции для укрытия, осторожно пятились в сторону от раздавшегося шума.

Сердце колотилось, внимание на пределе, пульс зашкаливал. В полной тишине падение неизвестного предмета произвело эффект разорвавшейся бомбы. Страх мигом прогнал усталость. Все замерли. Не выключая фонарей, целились ровно в то место, куда упал предмет. Пару минут ничего не происходило, и Лёха, как можно тише, сказал по рации: «Пойдём посмотрим».

«Давай, — отозвался Виктор, — ты справа, я слева, уступом». Оба аккуратно, почти бесшумно, двинулись в ту сторону, куда, предположительно, что-то упало. «Или прыгнуло…» — от этой мысли у Виктора пошли мурашки по спине и противный холодок пробежал по всему телу.

Приблизившись, они увидели на полу большой брезентовый тент, свалившийся со стеллажа и до чёртиков напугавший усталых и без того встревоженных искателей приключений.

— По-видимому, задели во время передвижений по полкам — сошлись во мнении друзья.

Поняв, в чём дело, переглянулись, помотали головами, мол, «этого ещё не хватало» и стали убирать оружие. Действительно, ситуация сложилась, как в кино.

Виктор собирался было надеть снятый ранее рюкзак, оказавшийся рядом со злополучным брезентом, медленно наклонился за ним и потянул к себе. Одновременно приподнял ботинком край упавшей ткани, дабы окончательно удостовериться, что это не «неизвестный зверь», не успевший напасть, а обыкновенный пыльный брезент. Под ним, однако, что-то лежало.

Это был невысокий квадратный деревянный ящик со стороной примерно сантиметров в сорок-пятьдесят.

Подняв ящик, оказавшийся довольно увесистым, Виктор оглянулся позвать напарника, но там, где тот только что стоял, прилаживая снаряжение и закрепляя на лоб прибор ночного видения, никого не было. Тут же, откуда-то из района выхода, раздался встревоженный голос: «Витёк, надо валить!»

— Чего такое? — Витька рванул к выходу и уже издали заметил: что-то не так. Подбежав ближе, всё понял: там, где ещё минут десять назад было темным-темно, сейчас всё окрасилось тусклым красным светом, горели лампы аварийного освещения.

— Бли-и-ин… — процедил он и подбежал к другу.

— Ага, вон туда посмотри, — Алексей жестом указал в другой угол погрузочного дока, где вовсю моргала, вращаясь внутри прозрачного колпака, лампа жёлтого цвета.

— Как бы сработала сигнализация…

— Похоже… Так-так-так… Мы всё взяли?

Виктор озадаченно кивал головой, совершенно позабыв о ящике в руках. Обстановка явно накалялась. Не успев толком отойти от приключения с брезентом, они понимали, что действовать нужно быстро. Хоть место явно покинутое, оно, как и предполагали, оказалось подключённым к энергоснабжению. Все признаки указывали на сработавшую сигнализацию, а это означало, что если хранилище до сих пор все еще представляло интерес для государства, то скоро здесь будут представители Минобороны или, того хлеще — спецслужб. Им поди объясни, зачем двум гражданским, в профессиональной военной экипировке, масках, и, к тому же, ещё и вооружённым, вдруг понадобилось лезть на законсервированный объект. Причём, проникать в него путём, фактически, взлома. И ещё не факт, что не придётся оправдываться за входную дверь, которую по халатности или небрежности так наплевательски оставили практически открытой никому не известные специалисты…

— Так, у меня вроде всё, что это у тебя? — уже на ходу спросил Лёха, указывая на деревянный ящик.

— Да кто его знает, упало, наверное, вместе с тряпкой сверху.

— Ладно, потом разберёмся, — Алексей достал из подсумка компактно сложенную клеёнчатую сумку из-под спального мешка, которую держал там на всякий случай.

Вообще-то, ни Виктор, ни Алексей не были из тех, кто норовит поживиться в подобных местах. Цель у них была исключительно одна — исследовательская. Но, в сложившихся обстоятельствах, они, не сговариваясь, практически на автомате погрузили ящик в сумку, которую Лёша ловким движением закинул себе за спину.

— Бежим, бежим! — хоть и шёпотом, но практически «прокричал» он, и оба наутёк рванули наверх по лестнице, стараясь отгонять мысли о возможно уже мчащихся сюда черных автомобилях и бегущих по зданию к ним в полном облачении представителях тех самых «компетентных ведомств».

Наверх влетели, не помня себя, наскоро восстановили целостность цепи, закрепив свой, точно такой же, как и был изначально, замок, который Виктор, несмотря на спешку, предусмотрительно протёр тряпкой (так, на всякий случай, дабы не оставлять следов…). Затем почти бегом переместились на первый этаж, оторвали болтавшуюся на одном честном слове фанеру и сиганули через окно. К счастью, приземлились удачно, без ушибов и переломов.

Поскольку до места выхода за периметр было ещё достаточно далеко, пренебрегать маскировкой не стали. Сравнительно быстро и незаметно пробрались до самого невысокого участка забора, частично лишённого колючей проволоки. Ловко перемахнули через него, и вот уже через каких-то пять минут были у автомобиля. Виктор мысленно похвалил себя за идею замаскировать машину, благодаря чему она стала совершенно незаметной ночью близ деревьев. А ведь ленился брать с собой — раньше ведь она ни разу не оказывалась сколько-нибудь нужной.

Стянув маскировочную сеть и покидав наскоро в багажник рюкзаки, снаряжение и оружие, они уселись и без прогрева двигателя рванули с места. Напряжение не спадало. В каждой встречной машине чудилась чёрная «Волга» (или на чём там сейчас ездят товарищи с Лубянки?), ну или УАЗ военной автоинспекции… На подъезде к трассе, выехав на которую можно было бы выдохнуть, в зеркале заднего вида, всё же, увидели переливающиеся красно-синие огни. Затем голос в громкоговорителе еле разборчиво произнёс марку машины и госномер, а затем велел прижаться к обочине.

— Попали, — вслух подумал Виктор, и похолодел от испуга. Додж медленно свернул к обочине. Ребята переглянулись.

— Я разрешение на «Сайгу» не взял. «И магазин не отсоединил», — сказал, бледнея, Витёк.

— Ну ты балбес… — прошептал Лёха.

— И патрон в патроннике оставил в суете.

— Полный комплект… — заметил Лёха и стал искать взглядом сквозь сильно запотевшие от распаренных тел ветровые стекла автомобиля силуэт приближающегося сотрудника ДПС. Вообще за Витькой иногда замечались случаи нарушения правил техники безопасности, но исключительно из-за невнимательности, с которой он, зная за собой этот недостаток, периодически пытался бороться. Однажды он во время «пострелушек», проверяя рукой, остался ли газ в пневматическом пистолете, прострелил себе палец. Само собой, в компании эта история запомнилась как «Виктор — техника безопасности». Со временем это прошло, но сейчас, в спешке и условиях, практически, настоящей погони, Виктор просто ничего не успел…

— Сейчас точно попросит открыть багажник. Тогда конец, — констатировал он почти обречённо, одновременно опуская стекло водительского окна.

— Может, и не попросит, — с надеждой произнёс Лёха, прикусив губу.

На самом деле, два человека ночью в полувоенной униформе, да ещё и с запотевшими в машине стёклами, по идее, не могли не вызвать интереса у автоинспекции.

А бояться было чего. В особенности Виктору. Его «Сайга» должна была перевозиться по всем правилам транспортировки огнестрельного оружия. И как опытный владелец (охотником его назвать было нельзя ввиду того, что он не признавал охоту, если только она не была сопря-

жена с необходимостью выживания, и уж тем более ни разу не направлял оружие на животных, а предпочитал спортивную стрельбу по мишеням), он обязан был их неукоснительно соблюдать. Сейчас все перечисленное представляло собой серьёзные нарушения.

Лёха, в свою очередь, травматический пистолет успел закинуть вместе с кобурой на ремне в рюкзак, предварительно отсоединив магазин и освободив патронник от патрона. И хотя он ничего не нарушал, беспокойство охватило и его — оба мыслили командно, проколы, равно как и удачи, были общими.

— Добрый вечер, лейтенант Лесовалов. Ваши документы, пожалуйста.

Витька, уже успевший собраться (уж чего-чего, в артистичности ему было не занимать), как ни в чём не бывало, передал книжечку с воительским удостоверением и ПТС.

Страж правопорядка медленно, почти сонно, проверил содержание вложенных в отдельные файлики бумажек. Небрежно глянув на пассажира и лишь слегка задержав взгляд на запотевших окнах, вернул документы, устало пожелал счастливого пути, после чего удалился.

— Вот это пронесло! — сказал Витька, чувствуя, как волнение отступает.

— Не то слово, — согласился Лёха, и оба рассмеялись.

Когда выехали на Минское шоссе, у них окончательно отлегло, хотя оба все еще находились под впечатлением случившегося. Только ощутив себя уже на полпути к дому, в уютной машине, они поняли, насколько устали. Основной целью сейчас было добраться до квартиры и залезть в ванну.

СМС от Васи застало их в пути. Тот сообщил, что вернулся из командировки, и требовал, несмотря на позднее время, хотя бы вкратце, но непременно сегодня, услышать историю о походе.

Несмотря на усталость, поход в ванную пришлось отложить, а путь продолжить через Васин дом, благо жили все они в одном дворе.

Поднявшись на семнадцатый этаж, друзья коротко поведали о своих приключениях: и о заброшенном НИИ, и о длинном спуске под землю в бункер, и о свалившемся со стеллажа и смертельно перепугавшем их брезенте, и о сработавшей сигнализации, и том, как чуть не попались дэпээсникам. Оба спешили, и про деревянный ящик, который они, в общем-то, незапланированно, прихватили с собой, сказать попросту забыли. Затем друзья попрощались и разбежались по домам, кто отмываться от пыли и пота, а кто отдыхать после самолёта и командировки.

Глава 3

На следующий день

Назавтра, порядком не выспавшиеся и сонные, все разбрелись по местам работы.

Вася сообщил, что к нему на неделе приезжают родственники и пробудут, где-то, до субботы. Так что общий сбор перенесли на воскресенье, и о вчерашнем походе на время пришлось забыть. Но это и хорошо — Лёхе с Виктором просто необходимо было переключиться, так как эмоций им и без того хватало.

Для Виктора этот солнечный осенний день начался с поездки в автобусе, на котором он, по поручению начальства, отправился передать на согласование очередную порцию заключений министерства по одному из многочисленных государственных проектов. Требовалось задействовать ряд узкопрофильных специалистов, которые, если уж откровенно, уже давно сделали свою работу, и оставалось лишь соблюсти формальности. Все об этом знали, но без формальностей — никак, и ближайшие два-три часа Виктор должен был провести в разъездах.

В дороге, чтобы хоть как-то с пользой провести время, он обычно слушал новости и читал сообщения о наиболее актуальных, в основном, международных, событиях. Читать книги с телефона, равно как и слушать их аудиоверсии, почему-то, особого желания сейчас не было.

В последнее время он все больше ловил себя на мысли о том, что, в основном, как раз по пути на работу или с работы, по привычке листая ленту новостей разных информационных ресурсов и отмечая различные набирающие обороты «острые» сюжеты, он стал всё чаще задумываться о том, что на самом деле происходит в мире.

В министерстве долгое время одной из его задач был анализ подаваемого мировыми СМИ контента и подготовка на его основе некоего анализа. Суть его заключалась не в том, чтобы банально принять за чистую монету то, что они выдают, а, проанализировав событийный ряд, определить вектор, указывающий на то, ради чего «стараются» СМИ того или иного государства или региона. Иногда это оборачивалось выявлением целых информационных кампаний, реализуемых самыми разными коммерческими структурами, политическими силами, либо даже правительствами отдельных стран.

Случалось, что отдельно взятые, даже правдивые факты, где-то связанные между собой, а где-то совершенно обособленные, постепенно выстраиваемые по месту и времени, формировали цепочку событий, ведущую, в конечном итоге, к совершенно чёткой и заранее спланированной цели.

Но случалось и совсем иначе: новости шли сами по себе и особо между собой фактически связаны не были. Ну или, возможно, эта связь была уж слишком хорошо замаскирована, и её просто не удавалось вскрыть. И здесь, в поисках скрытого смысла и «подводных течений», очень важно было не скатиться до необоснованных конспирологических выводов и теорий. Это было недопустимо.

Проработав, вот уже почти четыре года, в таком режиме, он убедился в одном: слепо верить новостям, коими пестрят всевозможные как наши, так и зарубежные сайты и порталы, никак нельзя. Подавляющее большинство распространяемых сведений, так или иначе, кем-то ангажированы. Наивно, в век информации и свободы слова, верить, что любезно предоставляемые агентствами по всему миру новости, на самом деле, отражают то, что действительно происходит. И речь не о подлоге, хоть такое тоже нередко встречается. В общем массиве сведений подобное, всё же, не так страшно. Откровенно надуманного публикуется мало, и оно достаточно легко вычисляется. Например, нахождением первоисточника. Серьёзные информагентства мирового масштаба при освещении событий чаще всё же склонны придерживаться

практики «нейтральной» подачи материала, лишая его политической окраски. Конечно, случается и такое, когда специальные команды актёров за деньги отыгрывают некий сюжет по заказу определённых сил. И такие сюжеты ложатся в основу информационного контента, впоследствии попадающего на страницы авторитетных СМИ. Его часто могут использовать в качестве информационного повода для раскручивания выгодной для того или иного государства (или группы государств) повестки. Но даже если брать сугубо правдивые данные, то тут тоже всё далеко не однозначно и зависит от того, когда, кому и какую именно часть информации показать.

Раньше казалось, что для того, чтобы докопаться до истины, нужно лишь проанализировать данные из разных источников, изучить их, и получится более-менее объективная картина. Но это не так. Даже если обработать все новости планеты, подвергнуть их глубокому анализу и сопоставить между собой (что априори невозможно ввиду их колоссальных объёмов), можно получить картину, которая станет лишь элементом мозаики. А на следующий день, неделю или месяц всё изменится.

И вот, в очередной раз, его мозг автоматически переваривал события, произошедшие за последнее время, и ничего хорошего там не обнаруживал. Как обычно, предметом для раздумий были не лежавшие на поверхности факты, а связанные с ними незначительные, на первый взгляд, обстоятельства. Сейчас все газеты, ток-шоу, радио и телевидение крутились исключительно вокруг Пхеньяна и Сеула.

Обострение конфликта между Северной и Южной Кореями — лишь верхушка айсберга. Виктор это понимал. Понимал он также и то, что, случись переход спора в «горячую» фазу, драка скорее всего выйдет далеко за пределы двух региональных держав. Слишком тесно переплетённые между собой политика и экономика, вернее сказать, мировая политика и мировая экономика, а также столетия человеческой истории отчётливо демонстрировали, как локальные войны, являясь частью Большой Игры, становятся началом куда более грозных и страшных событий. Такие мысли определённо нагоняли тоску. «Ещё и эти сны…», — подумал Витька, поёжился и выключил смартфон.

Глава 4

Индиго

Миса бежала, что было сил, лишь бы до рассвета забраться поглубже в лесную чащу. Там, у подножия Бурых Гор, будет проще, там река. Что именно делать дальше, времени подумать не оставалось: главное — спастись. Спасти себя сейчас означало спасти Сори. Малышке всего 10 месяцев. Она была прочно закреплена лёгким, но тёплым куском ткани на спине матери так, что это позволяло молодой девушке бежать в полную силу и легко маневрировать между кустарниками, серыми валунами и уже начавшими встречаться на пути редкими пихтами и высоченными вековыми папоротниками. «Бедный Критч», — стучала в голове мысль. Если бы не он, ей никогда бы не уйти от стражи Аристофага. Уже понявший, что она задумала, верховный жрец распорядился приглядывать за ней по выходе из святилища, «как бы чего ни выкинула». Зная её отца, ожидать можно было чего угодно.

Выйдя из самого высокого в племени шатра — глиняного круглого сооружения, укрытого пышной соломенной шапкой-крышей, служившего долгие годы племенным храмом, — она прямиком направилась к своей хижине, где её ждал не находивший себе места от волнения родной Критч. Уже по пути она заметила появлявшиеся из ниоткуда тёмные силуэты, сопровождавшие её до самого дома. То были стражи Аристофага — самые верные его слуги и наиболее подготовленные охотники. Их было всего пятнадцать, и они исполняли без малейшего промедления любые, прежде всего личные приказы верховного жреца. Даже самые жестокие. С ними никто не осмеливался спорить. Они — правая рука Аристофага, а он — правая рука Богов.

Зайдя в свой шатёр, Миса увидела Критча, державшего их маленькую Сори, мирно спящую у него на руках. Поведав о своём разговоре со жрецом, она сказала, что надеяться не на что. Ритуал есть ритуал, и нарушить его означало нарушить волю Богов. А это, в свою очередь, означало их немилость — годы без урожая и многочисленные ненастья, которые, впоследствии, уничтожат всё племя. И даже, казалось бы, благосклонное расположение Аристофага к ней и Критчу не было основанием для отказа от древнего обычая жертвоприношения, проводимого раз в пять лет, который был, по словам жреца, единственным возможным способом снискать милость. Миса должна быть горда участью, которую уготовила ей судьба. Ровно через неделю на алтаре, на глазах всего племени она должна будет лично вручить верховному жрецу для принесения в жертву богам, ради блага их народа, самое ценное, что было у неё — своего ребёнка.

Когда она закончила свой рассказ, большие залитые слезами глаза девушки были полны горя и отчаяния. Некоторое время они с мужем молчали. Потом Критч, обхватив Мису за плечи, твердо сказал: «Этому не бывать. Если нет жизни без воли богов, в обмен на благодать, заставляющих мать отдавать на убиение собственное дитя, значит, нет для нас таких богов». Глаза Мисы постепенно сделались сухими. Слова её мужчины, как это было всегда, с самого их знакомства, вселили в неё уверенность и настроили на решительный лад. Нужно было действовать. Она согласилась с каждым словом Критча, она была готова и полна уверенности идти на всё. Материнский и родительский инстинкт — самый главный инстинкт человека — сильнее всех остальных, сильнее всего на свете, и сейчас он полыхал в них обоих. Немного погодя, Критч сказал, что Бурые Горы имеют у подножия реку — он там был три года назад во время охоты с отрядом воинов соседнего племени Аноури. Эта река направляется вниз, к Великим Равнинам. Их пересекает дорога, идущая до самых гор. Там, среди многочисленных речных заводей, и расположено соседнее племя. Аноури не живут по обычаям богов так, как это с некоторых пор делает её народ. А в храме богов нет жертвенного алтаря. Они отдают им дань

другими способами: ритуальными танцами, яркими обрядами и духовным признанием. Так, как это было в племени Мисы и Критча до возведения Аристофага в сан верховного жреца. Аноури гостеприимны и добры. Их воинство кратно превышает стражей Аристофага, а внешний вид, многочисленные узоры на лицах большинства воинов указывают на годы опыта и закалки в охоте и боях, что делает их практически неуязвимыми при нападении других племён. Миса должна следовать к ним и рассказать всё. Они не станут вмешиваться в дела соседей, пока те не представляют угрозы, но они помнят долг воина, долг охотника, они помнят Критча. И этого будет достаточно, чтобы защитить её и малышку.

«Отправляйся туда с Сори с восходом полной луны. Она будет освещать тебе путь до самых гор. Иди в точности так, как я тебе указал.

Я же задержу стражей». Миса понимала, что другого шанса уже не будет, и Аристофаг скорее всего даже предпримет попытку провести ритуал заранее. Она понимала также, что Критч за ней не поспеет: он сумеет ненадолго задержать могучих стражей, но они непременно поднимут тревогу и пустятся следом.

Двое молодых и крепких людей — Миса и Критч, еще вчера счастливая пара, на радость всего селения, излучавшая счастье, доброту и радость, — сейчас сидели молча, держась за руки и прислонившись друг к другу, лоб ко лбу. Как в день, когда Критч признался, что хочет отдать всю свою жизнь ей, а она, в ответ ему — свою. Тогда она была самой счастливой на всем свете. И сейчас, по странной и страшной воле того, кто должен защищать их, защищать их народ, Критч должен был пожертвовать своей жизнью ради любимой жены и дочки. Заступиться за них было некому. Так они просидели какое-то время, понимая, что скорее всего больше не увидятся. И когда Миса с Сори покинут шатёр, они с Критчем расстанутся навсегда.

Молодой крепкий юноша помог девушке закрепить Сори на спине особым способом. Так, как это делали их предки, когда, отправляясь на охоту, вынуждены были брать с собой своих маленьких детей, ибо охотились все, и оставлять потомство в одиночестве не представлялось возможным. Маленькая девочка так и спала крепким младенческим сном. Затем Критч приник к малышке лоб ко лбу и посмотрел в глаза Мисе.

— Луна взошла. Как только я дам тебе «сигнал волка» — беги. Беги и не оборачивайся, что бы ни случилось, и помни: спасёшься сама — спасешь Сори. У неё в этом мире никого кроме нас нет. Кроме тебя нет…

У Мисы на глазах выступили слёзы.

— Видимо, только мы понимаем, что Аристофаг непреклонен и жесток. Он хочет, чтобы остальные беспрекословно следовали за ним, ослеплённые неведением или обманутые его лукавством. В любом случае, это не участь Сори. Наша ли участь — это уже не важно. Важен только наш ребёнок.

Миса, стройная и высокая, с тёмными до плеч волосами, большими бездонными карими глазами, самая красивая девушка в племени, ещё мгновения назад — хрупкая и беспомощная, вдруг сделалась абсолютно иной: сосредоточенной, серьёзной, повзрослевшей за эти несколько часов на целую жизнь, и собранной, словно гепард перед решительным прыжком. Это была уже не та стеснительная Миса, с которой Критч познакомился три года назад и связал свою жизнь навсегда. Она хотела сказать ему: «Я буду ждать тебя там. Мы будем ждать». Но мысль о безопасности дочки уже занимала всё её существо. Словно сосуд, наполненный до краев уверенностью, она боялась что-либо сказать или сделать, что могло превратить её опять в мягкую, нерешительную девушку, расплескав тем самым драгоценную жидкость — эликсир силы и решительности, единственно способный помочь ей и дочери выбраться живыми. Они в последний раз обменялись взглядами, и Критч вышел из жилища. Через четверть часа, показавшиеся Мисе вечностью, она услышала приглушённый волчий вой, пронзивший её, словно раскалённая стрела. «Ни на что не смотреть, даже на Критча. Что бы там ни происходило, не оглядываться» — пронеслось в её голове. Помедлив с долю секунды, она, напряжённая, словно тетива

лука, распахнула кожаный полог и, что было сил, рванула в сторону леса, огибая деревню с южной стороны.

Аристофаг сидел перед тлеющей лучиной и вкушал запах трав. Он был жрецом племени Этхи вот уже больше двадцати лет. В сущности, он и возглавлял племя. Его непререкаемый авторитет и всеобщее признание зиждились на способности (или даре?) общаться с богами. Он был уже сильно немолод, и доказывать свой статус мог лишь переводя на человеческий язык для соплеменников ему одному понятные желания и прихоти богов, одновременно озвучивая и возможные последствия их гнева в случае неповиновения. В последнее время старец чувствовал, что люди отдаляются от него, всё больше задумываются об окружающем мире, постепенно начинают задавать вопросы, на которые у него — верховного мудреца — ответов не было. Древний обычай приносить в жертву животное, затем человека, дабы усладить богов, раз в три года, а на четвёртый или пятый год — младенца, не достигшего возраста двенадцати месяцев, начинал тревожить людей, в чьи умы закрадывалось сомнение в необходимости столь жестокого ритуала. «Они меняются, нехорошо…» — с тревогой думал он. Те из старейшин, что сомневались в таких мерах, были обвинены в богохульстве и в исключительном порядке — обычно это не практиковалось — казнены его личной стражей. Так, постепенно, из старейшин он остался один. В последнее время он и впрямь чувствовал, что связи с богами начинают таять. Видения становились тусклее, а отвары и курение ритуальных дымов практически потеряли свой «магический» эффект. Тогда он понял, что сильнее и эффективнее всего людьми управляет страх. Страх постепенно закрадывается в человека, если правильно его преподнести. Тихо живет в нём, а в нужный момент сковывает, не позволяет мыслить ни о чём другом. И люди сделают всё что угодно, лишь бы избавиться от него, лишь бы накормить свой страх, утолить его голод. «Это единственный способ подчинить себе этих людей, это стадо…» — пренебрежительно думал он.

Если они не верят в богов, которыми он был ниспослан им, они будут верить в страх… «Сейчас самое благоприятное время», — думал он. Люди в смятении, новые сроки жертвоприношения заставляют их трепетать перед ним, появившийся с неделю назад странный сине-зелёный прозрачный туман, которого раньше никогда не видели, породил множество слухов о дурном предзнаменовании и как раз может послужить ему только на руку. «А вдруг это действительно предзнаменование? — думал старик — Чепуха», — отвечал он себе. За десятилетия общения с богами он понял, что они отвернулись от этого места давным-давно. Если вообще когда-либо здесь были…

А иначе где горы изобилия? Где победоносные войны? Где толпы рабов и рабынь, которых в избытке повидал он в детстве, там, далеко, на южном побережье, и которые сгинули вместе с огнём, вырвавшимся из горы и поглотившим все. Тогда он решил, что добьётся всего сам и прославит кровожадных богов, даже ценой этих глупых людей с Севера и их маленьких детей.

Так он сидел, погружённый в тревожные думы. Но едва облокотился на один из камней, что окружали импровизированный трон, как тот подался под незначительным весом старика и начал крошиться в песок. Аристофаг с раздражением ударил по нему ладонью и, неожиданно, обнаружил, что часть камня осыпалась. Но осыпалась не просто, а равномерно, словно бы внутри камня что-то было. Не понимающий, что происходит, он медленно начал счищать осыпающийся песок. Спустя некоторое время, его усталому взору предстало нечто, совершенно непонятное: твёрдый шар почти идеальной формы, размером с полторы человеческих головы. Повидавший на своем веку многое, жрец таких форм не видел никогда. Аристофаг долго осматривал его. И если раньше он непременно бы узрел в этом знак свыше, то сейчас внимание алчного старика всецело было сосредоточено только на том, как это можно с выгодой использовать для себя. Использовать как свидетельство своей незаменимой роли и собственного превосходства над этими ставшими давно ненавистными ему людьми.

Спустя какое-то время к нему в шатёр пожаловала Миса, дочь Танора — одного из старейшин. Мудрого и рассудительного, по инициативе которого отменили последние жестокие ритуалы — осадок и эхо прошлых, тёмных, голодных времен. Тогда в качестве жертвы богам выступали люди. По мере того, как племя проникалось идеями старейшины, Аристофаг чувствовал всё меньшую поддержку. Испугавшись, что верховным жрецом изберут Танора, Аристофаг тайно приказал наиболее преданному из своих стражей незаметно добавить ему в пищу сок онгаонги — тщательно протёртой и отжатой травы, заросли которой способны серьёзно покалечить человека, а в некоторых случаях — даже убить.

И вот сейчас на пороге его дома стояла дочь покойного Танора — Миса. Аристофаг знал, зачем она пришла. Она была другая. Первая из тех, кто начал смотреть на всё по-новому. Она много рассказывала о природе и звёздах. Народ любил её, смотрел на неё, дочь старейшины, погибшего от странного недуга, и брал с неё, с самой красивой и самой умной из всех, пример. «Ничего, — думал он. — С её отца это началось, а на ней это и закончится. Это даже на руку. Пусть все они увидят, что именно она отдаст ему в жертвоприношение свою дочь. А этот круглый загадочный камень станет предзнаменованием новой эпохи, эпохи разгневанных богов». Изобразив на лице, как всегда, усталую, но добрую улыбку, чуть приподнятым голосом произнес: «Входи, дитя моё, я ждал тебя».

…

Миса миновала пролесок, за которым шла бесконечная череда полей, изредка прерываемых кустарниками и начинавшими попадаться то тут, то там маленькими ручейками, пробивавшими себе дорогу средь валунов и мелкой гальки. Весь мир, казалось, был залит серебристо-синим цветом взошедшей луны. Природа, словно с удивлением, наблюдала за необычайной картиной: босая девушка с развевающимися темными, цвета ночи волосами, словно лань, за которой гонится гепард, напряжённая и сосредоточенная, мягко и бесшумно ступая по траве и огибая кустарники, мчится, не помня себя. А за спиной у неё, слившись с телом матери, спит, невзирая на бег, её дочь — её сокровище, её счастье, её жизнь… Всё, что в этом огромном мире у неё осталось, — её крохотная Сори. Горы приближались стремительно. «Скоро лес, а там и река, — утешая себя, думала девушка. — Вниз, вдоль не буде…» — мысли внезапно оборвались, тело потеряло равновесие, и девушка со всего размаха полетела руками вперёд, скользя по траве. Сработавший инстинкт не дал ей перевернуться на спину и повредить мгновенно проснувшуюся от резкого падения девочку. Глухой удар деревянной палки в висок не сразу отключил сознание. Она лежала лицом вниз, не в силах встать. Руки и ноги не слушались. Последнее, что она услышала, — это топот ног, обутых в кожаные мокасины, характерные для личной стражи Аристофага, и плач малышки.

Миса очнулась, когда уже рассвело. Тело болело так, будто её волочили по земле всю дорогу обратно. Руки и ноги были в глубоких ранах, некоторые продолжали кровоточить. Она лежала на кровати в своём шатре, а на улице был слышен гомон толпы, раздавался бой барабанов. И что-то еще… то, что могла различить только мать: едва слышимый в общем шуме плач ребенка. Её ребенка. Она рывком поднялась, но тут же со стоном упала на землю. Несколько рёбер были сломаны. Но уже в следующий миг, не чувствуя и не замечая боли, рванулась из хижины — «Моя девочка…»

Её взору предстала страшная картина: Сори, маленькая и голая, лежит на ритуальном камне, накрепко привязанная к нему. А рядом, под правой рукой Аристофага — массивный, приплюснутый на конце острый камень, тот самый, что с давних пор использовался в воскрешенном жрецом дьявольском ритуале, и успевший за долгие годы стать зловеще-багровым…

Всё племя собралось на внутренней площади у шатра Аристофага. Все были очень взволованны, матери держали детей и, с плохо скрываемым страхом, наблюдали за происходящим. Мужчины, как ни силились оставаться спокойными, всё же, то и дело, отводили глаза от места предстоящей церемонии. Обычай не вспоминали вот уже многие годы, но с приходом Аристо-

фага всё изменилось. Самые жестокие из обрядов понемногу возвращались. И те, кто раньше относился к этому как к мифической абстрактной необходимости, сейчас смотрели на это другими глазами. У вчерашних мальчишек и девчонок появилось своё потомство, и почти никто не оставался равнодушным к жуткой картине, которая вот-вот должна перед ними развернуться.

Миса продиралась через толпу, с отчаянием вслушиваясь в плач дочери. Это придавало ей сил: раз Сори плачет, значит, жива. Подойдя, наконец, к переднему краю толпы, она увидела, как Аристофаг перекидывает верёвку поверх зажмуренных глаз девочки. Ножки и ручки были уже закреплены так, что она не могла сползти или перевернуться. Вокруг чадили ритуальные травы и витал сладковато-терпкий запах — предвестник жертвоприношения и предзнаменования смерти.

Миса рванулась к алтарю, но тут же была схвачена двумя молодыми стражами из числа недавно назначенных воинов и охотников, сменивших своих предшественников, уже не способных в полной мере выполнять свои обязанности. Крик ужаса, отчаяния и нестерпимой боли — боли не физической — вырвался из её груди, но верховный жрец не обратил на это никакого внимания, сейчас всё случится.

Люди старались делать вид, что ничего не замечают, а матери тайком прикрывали глаза своим детям.

Аристофаг, произнеся нужные речи и соблюдая все формальности перед ритуалом, вопреки ожиданиям, развернулся и удалился вглубь шатра. Вернувшись через мгновение, он держал в вытянутых худых руках камень. Когда он вознёс его над головой, все словно заворожённые, с удивлением смотрели на него. Камень был идеально круглой формы. Этхи умели обрабатывать камни, но на очень примитивном уровне, и то, что сейчас увидели, поразило их. Камень был блестяще-гладким. Казалось, он олицетворял знак богов, ниспосланный свыше верховному жрецу для воплощения их воли на земле. Воцарилась зловещая тишина, нарушаемая лишь тихим шёпотом Мисы, славшей мольбы и проклятия, и тихим сипением сорвавшего голос ребенка, лежащего на жертвенном алтаре в беззвучном плаче. Отложив круглый камень — символ и подтверждение знамения свыше, — Аристофаг, с безумными глазами, взял другой — ритуальный — и занёс над головкой малышки. Миса, издав крик отчаяния, рванулась к ребёнку — так сильно, что даже могучие стражи едва смогли удержать её. Но, как бы ни был силён материнский инстинкт, он оказался бессилен против четырёх мужских рук, удерживающих её с двух сторон мёртвой хваткой. Мир словно замер, все смотрели на Аристофага, готового в этот роковой момент свершить страшную волю богов.

Но тот, вдруг, сделал шаг назад и, не меняя позы, часто заморгал, словно пытаясь отогнать оторопь, и сначала редко, потом всё чаще и чаще замотал головой из стороны в сторону, пока не выронил из рук на землю так и не использованное оружие убийства. Жрец начал тихо и невнятно бормотать какие-то слова, затем тереть глаза, после чего опустился на колени и, обхватив голову руками, стал дико кричать. Вознеся руки к небу, он в истерике, словно бы просил прощения, умолял остановиться. Потом встал и, к удивлению толпы, несколько раз с разбегу ударился головой об алтарный камень, разбивая лицо в кровь, однако, всё еще оставаясь в сознании. Потом он упал и катался по земле до тех пор, пока не замер, уткнулся в неё лицом. Его тело трясло, словно в лихорадке, а из груди вырывался приглушённый стон. Так он пролежал несколько минут, затем резко поднялся и, судорожно водя глазами из стороны в сторону, словно пытаясь кого-то найти, диким взором стал озирать изумлённых людей. Когда его взгляд упал на Мису, он переменился в лице, словно что-то страшное его отпустило, обмяк, а глаза наполнились слезами. Через мгновение старик резко бросился в угол, где хранилось оружие, к ужасу девушки, схватил нож, выточенный из кости и, повернувшись спиной к соплеменникам, в исступлении стал наносить себе сильные удары в живот. Окровавленный нож выпал из его рук. Когда жрец повернулся, взору толпы предстало его окровавленное тело и несколько глубоких ран, из которых обильно лилась тёмная кровь.

Шёпот пробежал по толпе. Аристофаг, шатаясь, приблизился к алтарю — у Мисы перехватило дыхание — затем, медленно отвязав ребёнка, из последних сил, осторожно, почти нежно взял его на руки. Опустившись на колени, приблизился к опешившей от ужаса и удивления Мисе.

Стражи к тому моменту отпустили девушку и, ничего не понимая, оглядываясь, разошлись в стороны.

Аристофаг, на последнем издыхании, протянул матери девочку, которая была без сознания. Он смотрел на Мису полным страдания, ужаса, боли и отчаяния взглядом. Затем тихим, словно не своим, голосом протянул: «Про-о-о-сти-и-и-и» и замертво упал у ног девушки.

Непонятное сине-зеленое зарево и туман окутывали страшную картину.

Глава 5

«Мяч»

Только через две недели после вылазки, в субботу, друзья собрались вместе, так как, после отъезда родственников, Васе вновь пришлось ехать в командировку в Новосибирск, «ставить на ноги отечественную космическую отрасль». А поскольку собирались обычно у него, да и в их конкретном случае, семеро, как раз, одного и ждут, встреча переносилась и переносилась.

За это время будничная рутина затянула, заставив отложить все другие дела на потом. Все переключились на нейтральные темы, а у Васи, вообще, дело шло, ко всеобщей радости, к свадьбе с Катей, с которой они уже более года встречались. О случайной находке в бункере попросту забыли.

Когда же, наконец, все собрались, вновь охватившее волнение было приятным, рассказ о вылазке до мурашек впечатлил не только остальных членов четвёрки, но и самих её участников, будто заново переживших это приключение. Причём, Виктор, во время рассказа, нарочно опустил тот момент, когда он обнаружил таинственный ящик. И вот, подытоживая, как он любил обычно делать, Виктор вытащил «кролика из шляпы» — поставил странный деревянный ящик на стол.

Вообще, он обожал в важные и особенные моменты делать что-нибудь эффектное.

Как, например, это случилось однажды, ещё на заре романтических отношений с Аней — его второй половинкой и, пожалуй, единственной девушкой, про которую обаятельный Виктор, не обделённый женским вниманием, заявил, что, если всё сложится — она станет его женой.

Тогда они прогуливались после новогодних праздников — первых праздников, которые они встретили как «пара», — по большому торговому центру, что находился почти в самом сердце Москвы и, кстати, тому самому, где они первый раз встретились. Центр всё ещё был празднично украшен и полон новогоднего волшебства, когда все уже всё купили, подарили и заслуженно пользовались длинными выходными.

Вдруг его девушка обратила внимание на стоящую в витрине мягкую игрушку — кенгуру с детёнышем. Причем размером с человека. Виктор, как бы между прочим, согласился с замечанием Ани о том, что, чего только не придумают, а сам мысленно взял на заметку… Потом, спустя некоторое время, за месяц до её дня рождения, вернулся и купил огромное плюшевое животное. На кассе «Маму Ру» (так называлась игрушка) плотно упаковали в полиэтилен, так как коробки подходящего размера попросту не нашлось. Надо было видеть, как неисправимый романтик вёз подарок для своей единственной через весь город в тесном метро, на удивление, но под одобрительные взгляды жителей столицы, которых в это время года под землёй, почему-то, оказалось необычайно много.

Но это было еще не все, потому что, как говорит Лёха — «дела Витька имеют обыкновение превращаться в дела его друзей, так называемые «витькодела»…

Дело в том, что просто подарить девушке то, что поразило её, а ты запомнил, выждал время и спустя месяцы принёс на день рождения, — мало. Надо также показать, что тебе небезразлично абсолютно всё, вплоть до мелочей. По-иному быть не могло вследствие присущего Виктору стремления возводить некоторые вещи, до неприличия, в абсолют, в общем-то, безобидный. И дело не в эго, с которым у парня было всё в прядке.

Итак, чтобы сделать сюрприз, нужно, чтобы он выглядел именно как настоящий сюрприз. Неожиданный, большой, внушающий уважение и поражающий воображение.

А потому, просто перевязать открытого любому взору кенгуру ленточкой было мало. Нужно обязательно скрыть содержание подарка в упаковку. Ленточка, конечно же, будет, но поверх красивой подарочной упаковки. И можно представить, каково было искреннее удивление «раменского Дон-Жуана», когда прагматичный Лёха, во время обсуждения (в условиях строжайшей секретности от Ани) плана «Кенгуру», предложил оставить все как есть, но с ленточкой. Негодованию Виктора не было предела.

Никаких полумер: победить частично нельзя. Нужно, чтобы во время «Ч» сердце возлюбленной было покорено внезапностью, невероятными масштабами и, наконец, растаяло под натиском осознания его эксклюзивности. А это всё значит, что никак нельзя обойтись без коробки.

«Какой еще коробки?» — не понимая, переспросил Вася, предполагая, что речь идёт о каком-то ещё одном подарке, о котором Виктор просто забыл сказать. Даже если бы это было так, никто бы не удивился: тактика «забрасывания» «подарками-обескураживателями» также была на вооружении Виктора.

Но нет, речь, ко всеобщему удивлению, шла о коробке именно для кенгуру. Как выяснилось, Виктор уже успел найти через интернет и договориться о покупке двух громадных листов упаковочного картона, в коробку из которых и планировалось поместить «троянского кенгуру». Проблема заключалась лишь в том, как этот картон вывезти из промзоны, что находилась на окраине Москвы, где, могли продать, но, увы, без доставки.

Все подсознательно ожидали чего-то подобного: чего уж там, Витёк есть Витёк. Оценили масштаб, но предложить варианты «эвакуации» сего упаковочного материала не смогли: автомобилей тогда ни у кого в пользовании не было (студенты же), а такси брать дорого.

Как водится, Виктор тянул с покупкой картона для коробки — «последнего штриха», и когда времени оставалось уже совсем мало, решил ехать за ним на метро.

Однако, на работе внезапно возникло срочное дело, отложить которое было никак нельзя. А забрать вожделенный картон было жизненно необходимо. Успех операции оказался под серьёзной угрозой. Резонно предполагая, что ребята, и так скептически относившиеся к идее огромной упаковочной коробки для подарка, будут не в восторге от просьбы забрать за него громадные листы картона, Виктор, всё же, обзвонил парней. Все были заняты не менее срочными, по их заверениям, делами, при этом каждый совершенно искренне говорил, что коробка вовсе не обязательна, и подарок и без того шикарный.

Отчаяние напарника, по-настоящему, оценил тогда один только Лёха и сумел-таки, ради счастья друга, отложить часть свих забот.

Звонок от Лехи оказался неожиданным: «Ты уверен, что нужно именно СТОЛЬКО картона?» На вопрос Витька, в чем дело, то, немного помолчав, ответил: «Витя, он огромен… С чем сравнить? Эм-м… ну, ты представляешь себе кабину от КАМАЗа?»

Героическими усилиями Лёхи картон был доставлен на место, соседка Виктора — Мариана, ставшая за долгие годы ему, как родная сестра, помогла «игрушку» упаковать, и ко дню рождения всё было готово по высшему разряду. Стоит ли упоминать, что виновница торжества, разумеется, осознававшая весь масштаб проделанной работы, как-то, спустя время, созналась Виктору, что на кенгуру она обратила внимание в магазине лишь как на витринное новогоднее чудо, и даже подумать не могла, что это может быть реальным подарком. Сюрприз удался!

Как бы-то ни было, приключение всем запомнилось и вошло в своеобразный «золотой фонд» занимательных историй, где, на тот момент, уже были утренние пробежки Витька с «шоколадкой», Лёхино приключение в лифте, Володькино «по стоящему танку — огонь!» и многое-многое другое…

Так вот, как и тогда, Витька не упустил возможности наиболее эффектно презентовать найденный артефакт. Даже обычно сдержанный Вася аж привстал от неожиданности, а Володька приоткрыл рот от удивления.

Срезанные куски пожелтевшей от времени, но всё ещё прочной, бумаги были разбросаны практически повсюду. Деревянный ящик стоял на столе, на его фанерных боках, кое-где, виднелись оттиски синих печатей. Разобрать, что это за печати было невозможно, так как буквы от времени почти полностью расплылись и уже не читалась. Рядом, на фанерной крышке от ящика, лежал, как на подставке, каменный шар почти идеально круглой формы, размером немного меньше обыкновенного футбольного мяча.

Все четверо сидели молча. Кто — глядя на этот самый шар, кто — подперев рукой подбородок и уткнувшись в телефон, а кто — расхаживая вокруг стола с кружкой чая и бутербродом в руке, философски высказывая предположения о его возможном происхождении и назначении. При этом сам их автор — жующий Володька, отлично понимал, что ни одно из них не могло быть принято всерьёз. Однако, в его стиле было «немножко разбавить обстановку» напряжённости, царившей в доме Васи вот уже второй час кряду.

— А почему бы и нет? Может, это эмбрион, военные его активируют в нужный момент и создадут биологическое супероружие…

— А кроме версии с доисторическим яйцом у тебя есть другие? — спросил Виктор, продолжая смотреть на каменный «футбольный мяч», но трогать его, всё же, не решаясь.

— Есть, конечно, но они вам тоже не подойдут.

— Да потому, что «каменных глобусов» не существует. Уже только потому, что, когда люди узнали о том, что земля круглая, они могли… ай, забудь, — отмахнулся Вася, как и Лёха, не отрывавшийся от телефона в поисках возможных подсказок в интернете.

— А откуда ты знаешь, какой у него возраст? — не унимался Володя, отправивший в рот очередной бутерброд с сыром и направившийся к холодильнику с явным намерением сделать себе ещё один. Причём совершенно не обязательно последний.

— Ладно вам об одном и том же… — сказал Виктор и потёр глаза, порядком уставшие от безуспешного старания высмотреть хоть что-нибудь отличающее поверхность «мяча» от поверхности обыкновенного камня. В тот вечер они перерыли пол-Интернета, осмотрели находку вдоль и поперёк, но ничего необычного не нашли. Вася даже использовал портативный дозиметр для определения уровня радиации, но всё тщетно — камень и камень, только круглый. Может, немного напоминающий какую-то причудливую окаменелость.

Вопрос о том, почему «окаменелость» была за семью печатями, что могло послужить причиной для её хранения на режимном, в прошлом, объекте, оставался открытым.

— Знаете, я тут вот о чём подумал, — задумчиво произнёс Василий, — вы с Витьком, когда спускались вниз, полагали, что бункер, ну или хранилище, чем бы оно ни было, заброшено. И содержимое хранилища, включая найденный ящик, тоже. То есть, оттуда все можно было спокойно унести.

Витька с Лёхой внимательно слушали, потом переглянулись.

— Ты это к чему, Вась? — спросил Лёха.

— А к тому, что, когда сработала сигнализация, стало понятно — скорее всего, за объектом, всё же, присматривают, и находиться там — серьёзное нарушение, если не сказать больше. А уж тем более брать оттуда что-либо.

Витька с Лёхой опять переглянулись.

— Я далек от мысли, — продолжал Вася, — что этот ящик был единственной ценностью в бункере, и только ради него строилось подземное сооружение. Но, если бы его нашли у вас, попадись вы, это серьёзно усложнило бы и без того непростую ситуацию. И, к слову, сейчас он у меня дома.

— М-да, это верно, конечно… — произнёс Виктор и почесал затылок.

— Так, Вась, ты раньше времени не паникуй, — успокоил друга, закончивший, наконец, пожирать бутерброды крупный и спортивный Володька. Во-первых, никого не сцапали, как ты говоришь. Ну, попался по дороге дэпээсник, подумаешь. Ночь, трасса, одинокая машина. К

тому же, стёкла запотели — грех не остановить. Это ещё ни о чём не говорит. Активировалась в бункере сигнализация — ну, мало ли, какая автоматика сработала. Не факт, что это кому-то вообще на пульт пошло. Может, какое-то питание подключено было, случайно замкнуло контактное реле при открывании очередной двери — и лампа заморгала. И только. Поморгала и перестала. Или моргает там до сих пор. Всего-то… А ты уже панику развёл.

— Ну, может, и так, конечно, — Вася пожал плечами — я только и рад буду, если всё так, как ты говоришь. Но согласись, подобные совпадения все равно наводят на мысли.

— Ну, Вась, — сказал Лёха, плохо сдерживая расползающуюся улыбку, — раз теперь эта штука у тебя в квартире, то и проблема эта, в случае чего, тоже твоя.

— Полностью поддерживаю, — согласился Виктор.

— Меня вообще тут нет, что вы развели здесь. Я поесть заходил, — вставил Володька, после чего все четверо дружно рассмеялись.

Глава 6

Провозвестник

Первым от Васи ушел Виктор — ему на следующей день предстоял ранний подъём. Руководство в министерстве нарезало задач, приступить к решению которых предстояло с самого утра. В такие дни Витька специально приезжал спозаранку, чтобы успеть сделать, по максимуму, в относительной тишине и спокойствии, пока не начнётся рабочий день и кабинеты не заполнятся сотрудниками. Спокойными, и, в общем-то, добрыми людьми, для которых начало дня — особый ритуал, непременно предполагающий несколько чашек кофе под разговоры «обо всем и ни о чём» и затягивающийся, иногда, чуть ли не до самого обеда.

Володя и Лёха вышли от Васи последними. Идти домой было недолго, благо все жили в одном дворе, а Лёха решил пройтись еще до магазина, чтобы закупить чего-нибудь на завтрак.

— А что у тебя с Танькой, так и не рассказал… — спросил Лёха, едва за спиной хлопнула дверь подъезда.

— А…, да что тут рассказывать, пока «на паузе», — неохотно ответил Володька, — сейчас много вопросов, у неё же парень был, и даже есть, вроде как.

— Вот оно как… а ты чего?

— Так я-то, конечно же, не стал бы влезать в чужие отношения, если бы она сама не сказала, что давно хотели расстаться. Тут и без меня уже процессы шли. Сам на рожон не лезу. Он, кстати, мне звонил даже.

— Да ну? И о чём вы говорили?

— В общем-то, ни о чём. Он в отчаянии, кажется. Говорит, что хотели пожениться, и я «практически разрушаю их семью», представляешь?

— Ничего себе, вот это поворот. И что на это ответил?

— Да что я могу сказать. Как есть, так и сказал, что, мол, ничего не разрушаю, и всё происходящее — это исключительно с оглядкой на её позицию, которая выражается в желании порвать с ним. И добавил, что я к ней очень сильно неравнодушен, само собой, и, в случае чего, могу доказать ему это лично.

— Ты драться, я надеюсь, не собираешься? — Лёха с прищуром посмотрел на друга.

— Да ну, о чём ты… конечно, нет. Если захочет со мной лично встретиться — я готов. Обозначу свои намерения и скажу, чтобы сами разбирались в своих отношениях, я мешать не буду.

— Звучит разумно. А то смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз, на катке. Когда один позвал своих друзей, другой позвал своих, и все, словно бандюки из девяностых, на «стрелку» разбираться приехали.

— Да, забавно было — Володька улыбнулся — Те ребята, на самом деле, не хотели приезжать…

— Ага, стояли в стороне, скорее, как декорация… Да, впрочем, как и мы! — Оба засмеялись.

— Ты говорил, вроде она… — не успел Володька договорить, как обоих отвлёк необычный звук, раздавшийся из входа в один из подвалов между подъездами. Всмотревшись в темноту, они увидели, что там сидит на корточках человек в тёмной куртке, опустив голову и, то и дело, издавая звуки, похожие на всхлипывания. Парни переглянулось и решили подойти поинтересоваться, как минимум, не нужна ли помощь. По мере приближения стало видно, что человек держал в руках, прижимая к груди, маленького, месяцев двух от роду, котёнка. Подойдя ближе, Лёха окликнул незнакомца. Им оказался знакомый с детства сосед по дому Мишка,

получивший за своё необычное, мягко говоря, поведение прозвище «Странный». Парни почувствовали неладное и напряглись.

Дело в том, что в детстве Мишка Странный отличался от всех жестокостью по отношению к животным.

Конечно, все когда-то шалили и делали разного рода глупости (типа «пойдём фару кокнем» у «Запорожца» дяди Гены или «попрыгаем на натяжной брезентовой крыше» стоявшего под окнами, казалось, целую вечность, уазика военной расцветки).

Но животные, само собой, в плане всяких таких вещей — табу. И если вдруг кто-то проделывал что-то типа привязывания бродячей собаки к забору, таскания за уши и хвост дворовых котов или чего-нибудь такого, о чём даже вспоминать не хочется, то обидчика четвероногих непременно ставили на место, нередко путём весьма конкретного нагоняя. Подобный вид дворового воспитания даром не проходил, и Мишка, со временем, перестал трогать дворняжек. Но со сверстниками во дворе так особо и не общался. В играх не участвовал, старался избегать больших компаний, бросая презрительное «сами играйте», когда его, все же, звали погонять мяч или играть в казаки-разбойники.

Потом он, постепенно, вообще пропал из виду, изредка попадаясь на глаза в магазине или на рынке.

И вот однажды, возвращаясь зимой из хоккейной коробки, разгорячённые и уставшие, мальчишки увидели Странного, шедшего им на встречу. Привыкшие к необщительности соседа, они бросили ему короткое «привет» и отправились было дальше, как вдруг тот спросил, обращаясь ко всем сразу:

— А помните рыжего щенка со стройки, который со сторожем жил? — Все остановились и молча посмотрели на него. Мишка тоже смотрел. Выжидающе, с какой-то странной, даже зловещей улыбкой. Речь шла о щенке-дворняге, одной из немногих собак, оставшихся со времен стройки, где сейчас находится большой супермаркет. Он сразу полюбился местной детворе своим весёлым задорным характером, и мальчишки частенько играли с ним, подкармливая пушистого всякий раз, проходя мимо.

— Что ты с ним сделал? — медленно, белея от злости, спросил Стас — рослый белокурый здоровяк, слывший лучшим футболистом во дворе, и просто хороший парень.

Мишка молчал, продолжая зло ухмыляться.

— А ну говори! Если ты с ним… — рванулся было Витька, но Володька его остановил.

Мишка рассмеялся. Нехорошо рассмеялся.

Это ещё больше встревожило ребят. Они знали репутацию Странного, и воображение рисовало самые ужасные картины. Несмотря на то, что за последнее время тот не был замечен в живодёрстве, подсознательно все опасались, что он что-то скрывает и тайно, вдали от чужих глаз, позволяет себе издеваться над животными. Намекая на прошлые привычки, поговаривали, что его видели отходившим от соседней стройки с какими-то чёрными пакетами, которые он нёс к оврагу. Что в них было, и было ли это вообще правдой — неизвестно, поскольку как ни наводили справки у сторожей и, с замиранием сердца, ни шарили по тому самому оврагу, но так, к счастью, ничего не нашли.

Лёха, всегда сохранявший самообладание, в два больших шага подошёл к Мишке, взял за грудки и, что было мочи, затряс его, повторяя снова и снова: «Ты чего с ним сделал?!» Но тот только странно улыбался.

Парни, конечно, оттащили Лёху, пообещав Мишке, что, если с Рыжим что-то случилось — а они об этом обязательно узнают, — да и вообще, если тот хоть раз ещё будет издеваться над животными, то ему несдобровать. Уж они-то об этом позаботятся. На том и разошлись.

А потом Мишка совсем пропал и объявился только после поступления в институт. Он вёл спокойный, ничем не примечательный, даже отшельнический, образ жизни. Поговаривали,

что женился на однокласснице, особо ни с кем не общался. При встрече обменивались с ним формальными «привет-пока».

И вот сейчас, спустя много лет, они видели его, держащего в руках маленького котёнка и трясущегося, как в лихорадке.

Ребята напряглись.

— Миша… Ты чего это делаешь, — настороженно произнёс Лёха, чувствуя, как учащается пульс.

Володя сжал кулаки. Оба медленно приближались.

— Ты давай, без глупостей там… Кота отпусти.

Когда подошли совсем близко, увидели то, чего совсем не ожидали. Странный держал котенка как-то необычно, а именно — заботливо и нежно. Лицо его было заплаканным. Всхлипывая, он ещё крепче прижал котёнка к себе и хрипло произнес: «Я это… Я ж и не знал… Как-то так, само… Я ж мелкий был совсем тогда… А этого домой, к Нинке… Тут всё в порядке, Нинка давно хотела себе кота, а я дурак…» — после чего зажмурился и совсем разрыдался. Парни растерялись. От боевого настроя не осталось и следа.

Сосед постепенно брал себя в руки. Медленно направился к подъезду, продолжая держать котёнка в одной руке, а в другой неся пакет из зоомагазина «Кошачья лапа». Заходя в подъезд, он тихонько, казалось, даже ласково, что-то приговаривал, нечто вроде «не бойся, я тебя не трону, хороший…».

Когда Мишка ушёл, ребята переглянулись:

— Вот это да-а-а, — протянул Лёха. — Чего-чего, а такого я не ожидал.

— М-да, как-то странно. Не похоже на Мишку.

— Да уж. Может, зайдём к нему домой, проверим? Мало ли, котёнок… — произнёс с сомнением Володя, но Лёха возразил.

— Не знаю почему, но что-то мне подсказывает, что с этим котом точно всё будет порядке.

Они постояли ещё некоторое время, после чего Володька произнёс:

— Пойдём-ка и мы по домам, многовато необычного для нас на сегодня. Кстати, глянь — скоро и у нас белые ночи будут, — и указал на небо, в облаках которого не совсем обычно отражались огни мегаполиса.

— Ага, — подтвердил Володька, странное световое засорение.

Никто не придал значения зеленоватому оттенку свечения неба над их районом, слишком яркого для светового фона ночного города.

Глава 7

Шахматная доска

Невысокий человек с волевыми чертами лица сидел перед экраном большого монитора, вмонтированного в стену прямо напротив длинного конференц-стола. Пиджак висел на стуле, а галстук небрежно расслаблен поверх расстегнутой пуговицы. Сидевший сбоку от стола военнослужащий, знаками отличия одного из самых главных лиц в военном руководстве страны — грузный, с изрядной сединой на висках, — через надвинутые на нос очки в толстой оправе молча наблюдал за сменяющими друг друга картинками на экране. Статичные на первый взгляд изображения со спутника сменялись динамичной картинкой, снятой с большой высоты с борта беспилотного летательного аппарата.

Изображения демонстрировали, на фоне моря, сначала маленькие, потом увеличенные длинные силуэты кораблей в сопровождении судов меньшего размера, но намного более вооружённых.

Немного погодя изображение сменилось чередой картинок из другой местности: теперь это была суша. Здесь отчётливо виднелись очертания военной техники, подвижного опорного пункта. Техники было много, и, учитывая высоту, с которой были сделаны снимки, можно было представить в полной мере масштаб развёрнутого воинского соединения. Картинки сменялись одна за другой и демонстрировали расположенные в разных местах мобильные военные базы. Далее — снова акватория, но уже в другом полушарии. То, что было на экране, напоминало фрагмент компьютерной стратегии в момент, когда игрок концентрирует накопленные войска перед началом активной, «горячей» фазы.

Отсмотрев весь материал и ознакомившись с письменным докладом, человек в пиджаке отложил пульт и некоторое время продолжал смотреть на чёрный экран. Молчание прервал военный.

— Как видите, техника говорит сама за себя. Масштабы привлекаемых вооружений, а также сопутствующих сил и средств многократно превосходят те, что были задекларированы для проведения учений. К берегам Северной Кореи подходят четыре авианосные группы. Три находятся на расстоянии удара крылатыми ракетами. С авиабаз Кадена и Мисава организовано круглосуточное дежурство вдоль всего северокорейского побережья. Также, по нашим данным, в Японском море находится пять подводных лодок типа «Огайо», каждая из которых несет на борту по двадцать четыре межконтинентальных баллистических ракеты «Трайдент» с ядерной боевой частью.

Затем на экране появился ряд спутниковых изображений, так же, как и предыдущие, датированных вчерашним вечером.

— Как вы сами можете убедиться, товарищ Верховный главнокомандующий, наши коллеги по цеху из Поднебесной выводят в акваторию Японского моря симметричные силы. По данным Главного разведуправления, на подхвате как минимум вдвое больший воинский контингент ожидает сигнала для выдвижения в сектор развёртывания американцев. СВР и ФСБ данные подтверждают. Это не учения.

— У нас что?

— С утра сегодняшнего дня силы Дальневосточного военного округа переведены в состояние боевой готовности «повышенная». Для отслеживания ситуации усилено дежурство разведывательных «А-50», перехватчиков «Су-30» и беспилотников по периметру стягивания войск. На это особо не реагируют, но и мы стараемся не наглеть, низко не подлетать — козырьки им не чиркать. В общем, все всё понимают.

— Спасибо. — Немного погодя, Президент продолжил: — Приказываю перевести силы ПВО в состояние боевой готовности «полная».

— Есть.

— Будьте готовы перевести все Вооруженные силы в состояние полной боевой готовности в любую минуту.

— Уже готовы, ожидали.

— Хорошо…

— У вас-то как, товарищ Главнокомандующий?

— Ничего не изменилось. Почти все аргументы исчерпаны, все твердят одно и то же: сделают всё возможное для недопущения эскалации. Все всё понимают, ты правильно сказал.

Министр обороны молчал.

— Иди, поспи. Это тоже приказ. — Тот молча кивнул и поднялся с кресла. Президент дождался, пока генерал выйдет из кабинета, и погрузился в молчание. Спустя четверть часа, он снял трубку прямой связи.

Тем временем Виктор, уже успевший поесть, выбрался из душного офисного помещения, чтобы «прошвырнуться» на свежем воздухе в оставшееся от обеденного перерыва время. Как частенько случалось, в хорошем расположении духа, он уселся на лавочке, коих было в избытке на Никольской улице, с картонным стаканом кофе в одной руке и телефоном в другой. Перелистывая привычным движением новостную ленту, он, в который раз, удивлялся, насколько обыденными стали некоторые формулировки, еще недавно казавшиеся невозможными даже в самые неблагоприятные периоды отношений между нашей страной и остальным миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.